

ВСПОМИНАЯ ШЕСТИДЕСЯТИЕ...

Недавно попалась мне на глаза пожелтевшая заметка, где речь шла о триумфе «Иванова детства» Андрея Тарковского на фестивале в Венеции, о том, что режиссер собирается приступить к «Андрею Рублеву».

Прочитал я эти строки, внимательно пересмотрел фотографии, снятые в подготовительных поездках к фильму, и два чувства проникли в сознание: безысходная тоска по невозвратной молодости и благодарность Богу за прекрасные те времена, полные надежд, творческих радостей и повседневных открытий красоты человеческого бытия.

«Иваново детство» произвело на меня впечатление самое радостное. Я тогда еще ездил за границу и был избалован ретроспективами Бергмана, Бунюэля, Антониони, Феллини и Курасавы. После обильных этих кинопроществ не очень тянуло меня к родному советскому экрану, разве что ностальгически хотелось иногда пересмотреть «Александра Невского», «Чапаева» или «Мы из Кронштадта». Приятели, успевшие побывать на «Ивановом детстве», настоятельно советовали срочно бежать и насладиться, а я все как-то сомневался и упорствовал в нежелании тратить время на очередную новинку «Мосфильма».

Оказавшись в командировке в Пскове, где из окошка номера в гостинице «Октябрьская» хорошо читался рекламный щит кинотеатра «Победа», возвещающий о премьере «Иванова детства», я перешел проспект и оказался наедине с творением не известного мне дотоле режиссера. А потом до поздней ночи просидел я на берегу Псковы, вспоминая величавые движения юсовской камеры, которая так проникновенно запечатлела все нюансы режиссерских замыслов Тарковского. Хотелось сказать этим людям самые теплые, благодарственные слова. И судьба не заставила меня долго ждать.

Нашим клубом в Москве было кафе «Националь», «уголок», как его любовно называли завсегдатаи. Получая более чем скромную зарплату в реставрационных мастерских, я умудрялся так распланировать бюджет, чтобы каждодневно отмениться на родном «уголке». Да и стоило это совсем недорого, благо к алкоголю я тогда еще не пристрастился, целиком отдавая застольным беседам, часами слушая рассказы старых литераторов, художников, кинематографистов, историков и людей самых различных профессий.

В «Национале» завсегдатаями были многие известные личности: от писателя Олеши до суперфарцовщика Рокотова, расстрелянного впоследствии по личному распоряжению Хрущева. Так что юноше, вступающему в жизнь, предоставлялись здесь большие возможности для ознакомления с разными ее сторонами.

Я, естественно, тогда мало говорил, стараясь как можно больше слушать и впитывать знания и опыт старших. Оторвать меня от увлекательной беседы могла только очередная красавица, величественно вливающая в старомодный интерьер кафе.

Так однажды, поглощенный разглядыванием очередного шедевра природы, я не заметил, как к моему столу подошел знакомый художник с миниатюрным на вид спутником. Знакомился в «Национале» просто, оставаясь в стороне условности и официоза. «А это и есть Савелий Ямщиков? — радушно улыбувшись, сказал человек, назвавшийся Андреем Тарковским. — Давно вас ищу, чтобы поговорить о важном для меня деле. Я заканчиваю вместе с Андреем Кончаловским (тогда нынешний супермен западно-российского кинематографа употреблял фамилию матери) сценарий фильма об Андрее Рублеве, и,

если Бог даст запуститься с ним в производство, хотел бы привлечь вас в консультанты моей картины».

Я еще не отошел от псковской встречи с «Ивановым детством». Тарковский казался мне человеком, не совсем доступным, и вдруг такое почетное предложение. Не из скромности, а реально расценивая свои тогдашние познания в культуре и изобразительном искусстве Древней Руси, я наотрез отказался от лестной возможности поработать с молодым мастером. Но я еще не знал тогда, сколь велико упорство Тарковского и как он не любит отказываться от созревшей у него идеи. «Мне нужен единомышленник, сподвижник, а если появятся какие-нибудь трудные проблемы, мы обратимся к вашим учителям. Знаю об их классическом образовании и старорежимном воспитании, уверен, что они не откажут».

После этой встречи в «Национале» для меня начался новый жизненный период. Прежде всего мне хотелось соответствовать уровню возложенных обязанностей консультанта такой непростой картины. Давая советы режиссеру, художникам и оператору, я сам постоянно учился у них тому, чего не мог освоить ни в реставрационных мастерских, ни в кабинетной тишине бесед со своими профессорами. Кинематографическая эта школа не прошла даром, и я очень благодарен судьбе за то, что она свела меня с Вадимом Юсовым, художником по костюмам Лидой Нови, с Анатолием Солоницыным, Иваном Лапиковым, Мишей Кононовым и другими прекрасными людьми, участвовавшими в сотворении «Андрея Рублева».

С Тарковским мы подружились быстро и надолго. До тех пор, пока он не попал в совершенно другую среду бытования, где его в большинстве своем окружали люди, которым вряд ли были близки «Иваново детство» и «Андрей Рублев», а я, скажу заранее, далек от восторгов перед «Солярисом» и «Сталкером». Покоренный «Зеркалом», словно сотканным из моего детства (барак, в котором я вырос, стоял неподалеку от дома Тарковских на Щипке), я еще раз почувствовал близкие мне настроения Андрея в «Жертвоприношении», заставившем вспомнить юношескую увлеченность Тарковского Бергманом и белую зависть ко мне, когда я побывал на острове Готланде в Швеции. И совсем далека мне оказалась «Ностальгия», ибо общие наши грезы об итальянском искусстве эпохи треченто и кватроченто, влюбленность в Симоне Мартини и Паоло Учелло обернулись в этом фильме в трудно расшифровываемую исповедь сломленного жизнью человека.

Мне сначала показалось странным, что люди, мало или почти ничего не знающие о русской иконописи вообще и об Андрее Рублеве в частности, взялись писать тотальный сценарий на эту тему. Но потом я понял намерение режиссера создать фильм не биографический, а попытаться рассказать об интереснейшей исторической эпохе, когда начиналось освободительное движение против татаро-монгольских захватчиков, и показать все это сквозь призму мироощущения художника, творившего в гуще сложных событий.

Многие мои коллеги отговаривали меня в этом сомнительном, с их точки зрения, начинании. Иногда даже пугали профессиональным осуждением. Но не так смотрел на ситуацию мой учитель, человек, которому я безоговорочно верил, профессор Николай Петрович Сычев. Недавно освободившийся от почти четвертьвекового мытарства по тюрьмам и лагерям, он сохранил чистоту и твердость характера, не растерял ни на йоту своих классических знаний, приобретенных в дореволюционных университетах, и умел увлечь своей любовью к искусству древних даже самых равнодушных слушателей.

Когда судьба сценария об Андрее Рублеве висела на волоске и чиновники ждали лишь отрицательной официальной рецензии маститого искусствоведа, Николай Сычев как истинный аристократ науки, не задумываясь, пришел на помощь моему товарищу Андрею Тарковскому. Несмотря на преклонный возраст и тяжелое гриппозное состояние (температура 39°), Николай Петрович за ночь прочитал несколько сот страниц машинописного текста, сделал на полях несколько десятков фактологических замечаний, которые режиссер учел в процессе съемок, и написал теплейший отзыв, заставивший чиновных придуральщиков, скрепя сердце, разрешить его публикацию.

О предъёмочных поездках и месяцах, проведенных с киногруппой в различных уголках России, можно рассказывать часами. Хочу сегодня вспомнить, как в поисках наиболее удачного исторического места для съемок эпизода «взятие Владимира татарами» оказались мы с кинематографистами на древней псковской земле. Я несколько лет сюда ездил в реставрационные командировки, где под руководством моего искусного педагога Евгении Михайловны Кристи с удовольствием укреплял драгоценные иконы, хранившиеся в запаснике местного музея, который помещался в старинной псковской постройке — «Солодежне».

Город и окрестности я только-только начал познавать с помощью истинного его знатока и патриота, создателя уникального древлехранилища Леонида Алексеевича Творогова. Вот это был человек с большой буквой. На таких — с точки зрения властей предрержащих, «районных сумасшедших» — держалась и держится матушка Россия. С ним-то и посчастливилось Тарковскому «сотоварищи» подобрать натуру на Псковщине.

Изборск с остатками древней крепости и «фотогеничным» пейзажем как нельзя лучше пришелся на роль Владимира. Здесь Вадим Юсов в очередной раз достиг невероятных оптических чудес, и сцены, снятые на обрывистых кручах Изборска, по сей день смотрятся на одном дыхании. Лошади, любезно предоставленные спортивными конниками Пскова, радовали глаз стройностью форм и пугали неудержимым темпераментом. Отважный Тарковский решил показать наездникам пример верховой езды, но был в мгновение ока выброшен из седла ретивым скакуном и на глазах застывшей от страха группы долго не мог освободиться от запутавшегося стремени, чудом не разбив голову об один из изборских валунов. К счастью, все кончилось благополучно. Вечером состоялось привычное после тяжелого трудового дня дружеское застолье. Мы с Вадимом Юсовым спать не хотели и отправились в кинотеатр «Октябрь» посмотреть английский фильм «Такова спортивная жизнь». Возвращаясь в гостиницу, восхищаясь игрой перwokлассного актера Ричарда Харриса, а навстречу под мелким морозящим дождем пересекая пустынную площадь перед почтамтом запоздалый пскович и нес в руках ветвистые рога недавно убитого лося. Часто вспоминаем мы с Вадимом именно эту фантазмагорическую сцену, когда заходит речь о незабываемых днях.

Сегодня много говорят и пишут об Андрее Тарковском. Это и понятно — после многих лет умалчивания и зажима любой гласности людям хочется сказать о сокровенном, поделиться с современниками своими наблюдениями и сомнениями. В многоголосом хоре вспоминающих наряду с чистыми звуками, к сожалению, частенько слышатся фальшивые ноты, дающие превратное, а иногда и сознательно искаженное представление о незаурядном человеке и талантливым режиссере. Некоторые, чтобы показать свою причастность к тем нелегким, требовавшим мужества и отваги временам, идут на сомнительный подлог, открыто примаываясь к событиям, в которых им не пришлось принимать участие. Другие стараются записать себя в друзья Тарковского, хотя в свое время они пальцем о палец не ударили, чтобы помочь ему в борьбе с серыми, равнодушными ордами «культурных» чиновников. Да он, кстати, об этом их и не просил. А как неприятно читать в книге воспоминаний о безвременно ушедшем из жизни творце страницы, написанные откровенным завистником, не простившим покойнику мирового признания и славы, миновавших его посредственные кинопуты. Бог судья этим лгунам и приспособленцам! Хотелось бы, чтобы современники отличали истинных подвижников, живших и создававших в шестидесятые, от тех, кто слишком быстро вышел в лидеры перестройки и столь же поспешно сбросит кожу, если ситуация снова станет экстремальной, чего никогда бы не сделал Андрей Тарковский.

Савелий ЯМЩИКОВ.

● На снимке (слева направо): Савелий Ямщиков, Андрей Тарковский и Вадим Юсов в залах древнерусского искусства Русского музея. 1964 год.

17.1.91

Тарковский А

Экран и сцена